



На книжной ярмарке было шумно илюдно. Где-то гремела музыка, где-то кричали в микрофон детские голоса, хаотично сновали потоки людей с пакетами, постерами, открытками и стопками книг в руках. Художник Кисточкин сидел за столиком возле стенда детского издательства «Комарик» и задумчиво чертил простым карандашом в толстом блокноте. На белом листе появлялся то озорной заяц в бейсболке, то инопланетянин с кошачьими глазами, то грустный великан, задевающий макушкой облака. Потом карандаш начинал лихорадочно ездить по листу, заштриховывая наброски, а художник Кисточкин вздыхал и бормотал себе под нос:

— Не то... Это определённо не то...

— Ну вот, — вдруг услышал он, — а так было красиво...

Кисточкин поднял голову и увидел перед собой веснушки, любопытные глаза, вздёрнутый нос и смешно торчащий на лбу вихор, будто его лизнула корова. На щеках и возле правого уха виднелись почти сошедшие следы зелёнки.



— Мне понравилось, — сказал мальчишка. — Великан классный был. Почему вы его зачеркали?

— Потому что это не мой герой, — ответил Кисточкин, продолжая рассматривать мальчишку.

— А кто ваш герой?

— Пока не знаю. Я его ищу.

— Вы художник?

— Да, художник-иллюстратор.

Мальчишка окинул взглядом книжные обложки на стенде.

— Это всё вы нарисовали?

— Нет, конечно, — улыбнулся Кисточкин и показал на две яркие обложки. — Я нарисовал эту и вот эту. И вон те три... — он махнул рукой в сторону. — А теперь хочу попробовать себя в роли комиксиста.

— Кого?

— Комиксиста. Это художник, который рисует комиксы.



— А-а, комиксы я люблю! — оживился мальчишка. — Значит, вы хотите нарисовать комикс?

— Да, но для этого нужен герой. И пока я его не нашёл.

— А кто может стать героем?

— Кто угодно. Робот, животное, какое-то волшебное существо...

— А человек?

— И человек.

— Любой? Даже восьмилетний?

— Ты это про себя? — догадался Кисточкин.

— Ага, — признался мальчишка. — Я вам подойду?

Кисточкин опять улыбнулся.

— Как тебя зовут?

— Даня Тихомиров.

— Так вот, Даня Тихомиров, герой комикса должен быть уникальным, симпатичным, комичным, интересным и запоминающимся... И с ним постоянно должно

что-то приключаться, разные истории, понимаешь?

— А я такой и есть! — воскликнул Даня. — И историй у меня хоть отбавляй. Со мной вечно что-то приключается. Мама говорит, что я не ребёнок, а наказание.

— Вот как? Кстати, где она? — Кисточкин обвёл взглядом посетителей, толпящихся у прилавка издательства. — Ты не потерялся, случаем?



— Мама и сёстры. Я остановился на минутку, а они куда-то исчезли. Не беспокойтесь, они сами найдутся, мама меня где угодно отследит, — Даня показал смарт-часы на руке. — Она говорит, со мной по-другому нельзя. Я однажды умудрился даже в школе потеряться, меня в раздевалке спортзала случайно закрыли. А ещё я ночью в поезде не в то купе спросонья зашёл и заснул там. Мама меня до утра по всему поезду искала.

— Видимо, с тобой и вправду не соскучишься, — усмехнулся Кисточкин.

— Я же вам говорю! Так что, нарисуйте про меня комикс?

— Ну, ты мне ещё что-нибудь про себя расскажи. Прежде чем рисовать, героя нужно узнать.

Даня подёргал свой торчащий вихор.

— Ну и что рассказывать-то? Я учусь во втором классе, у меня много сестёр...

— И сколько же их?



— Целых две. И обе старше. Одна в шестом классе, другая в пятом.

— Две — это много? — удивился Кисточкин.

— Очень много, уж поверьте, — вздохнул Даня. — Лучше бы вместо них у меня было десять братьев. А с двумя сёстрами, да ещё с такими вредными, — это не жизнь, а мучение. По утрам они особенно противные...

Художник отложил карандаш, подпёр щёку ладонью и приготовился слушать.



Спокойно, мы его засекали!





ОБЫЧНОЕ УТРО ТИХОМИРОВЫХ

(КОГДА ПАПА В РЕЙСЕ)



По утрам у Тихомировых совсем не тихо и не мирно. Хотя соседка снизу, которая приходит жаловаться на топот и крики, говорит, что люди с такой фамилией должны быть как раз тихими и мирными. А им по какой-то непонятной случайности досталась неправильная фамилия. На самом деле они должны быть Громы или Шумихины. Или нет, Топтуновы-Деригорловы. Чудная она, конечно,